

Шота Каташвили

ЛАСТИК

ЧАСЫ

Ты и есть часы,
 которые вечно спешат...
 на пять, десять и пятнадцать минут.
 Если не переводить назад —
 так разбегутся, что попадут
 в завтра и послезавтра.
 Попадут и устанут
 на настоящее;
 никак не возьмут в толк, что за странность
 лежит перед ними:
 не шелохнется,
 никуда не спешит...
 Я, как и ты, тоже часы.
 Только, не в пример тебе,
 вечно отстающие...
 на пять, десять и пятнадцать минут.
 Если не переводить вперед —
 отстанут и завязнут
 во вчерашнем и позавчерашнем,
 устанут на настоящее;
 никак не возьмут в толк, что это такое:
 все бежит куда-то
 без памяти...
 И ты, и я —
 мы оба дети своего времени,
 только глядим в разные стороны...
 Меня влечет прошедшее,
 тебя — то, что пройти еще предстоит...

И ты, и я
 сверяем себя друг по другу...
 Не будь этого,
 мы бы безнадежно удалились —
 как друг от друга,
 так и от настоящего...
 Впрочем, бывает,
 что безнадежно отставшие
 и безнадежно убежавшие часы
 показывают одно и то же время.
 Вот почему
 порой нам кажется,
 что мы — одно целое.
 Хотя, на деле, это лишь
 дань условности...
 Вот почему хорошо,
 что мы сверяем себя друг по другу...
 А еще хорошо, что я всегда отстаю,
 а ты всегда спешишь:
 разве это жизнь,
 если шагать по ней
 точно как часы?..
 Тогда мы бы не нуждались
 друг в друге,
 не нуждались и не любили.
 А заодно не любили бы
 ни прошлое, ни будущее,
 ни настоящее.
 Не любили бы ничего на свете...

●
 Сны, посеянные в наши глаза,
 иногда рвут сомкнутые веки,
 как травы асфальт, и вот тогда
 их видят чужие.
 Не ногой, но рукой
 чужой может шагнуть на них и раздавить.

Но дорога все не кончается,
много на ней посеяно снов.
Пусть не тысячный, но тысяча первый
ущелест.
И тогда спасется та Шахерезада,
что вместо сказок
всю жизнь
сны сеяла в наши глаза.
Знаешь, глаза горят только потому,
что в ее зрачках и роговицах
сны набухают семенем.
И когда умрет человек и ему закроют глаза —
верь:
он укрыт самым страшным асфальтом,
куда прочнее, чем сны.

ДРУЖОК

Гаге Нахуцишвили

Смерть — не проблема, дружок:
и ты, и я —
мы оба сидим, наблюдая за муравьями.
Развеваются пестрые зонты кафе,
кресты качаются на куполах церквей.
А он один
в припадке красоты
прозябает неведомо где —
не видит остекленевшими глазами,
как голуби клюют мостовую.
Существует ли Бог
или не существует —
не проблема, дружок, поверь мне на слово.
Солнце встанет,
молоко скиснет,
ключ повернется... и завтра,
завтра троеперстие многократно повторят —
чтобы взять ручку

или перекреститься.
Впрочем, дружок,
и любовь сейчас — не проблема...
Ты поешь и плачешь,
я полощу книгу,
он топчется на вокзале.
Облака в небе тихо сталкиваются,
розы грустят вслух
по ушедшим годам.
И свобода сегодня — тоже не проблема, дружок...
Тарелки в кафе звенят,
тонкие ангелы дрожат, будто флажки,
на куполах церквей.
Мы все поодиночке подпрыгиваем,
хотим достучаться головой до неба,
или же сидим, опустив голову,
зябнем и всматриваемся в червивую землю,
и мы понимаем, понимаем, дружок,
что смерть —
уже не проблема.

ЛАСТИК

Темо Джавахишвили

*

Куда лучше попасть в руки художника,
чем в когти писателя:
все же линия — она везде линия,
а я, своей всклокоченной головой,
стирая верно или неверно проведенный штрих,
так и не вникал бы в замысел.
Когда же писатель,
отложив карандаш,
берет меня
и принимается за новорожденные строки —
плоть мою пронизывает страх.
Всякое слово я чувствую кожей, и меня трясет.

А бывает и так, что я веселюсь,
истребляя
те или иные слова, а то и целые предложения.
Впрочем, по большей части я горюю:
у меня начинается депрессия,
мною овладевает комплекс вины.

*

*«...Господи, аз яко ластик согреших,
Ты же яко Бог щедр,
помилуй мя, видя немощь души моя...»¹*

Сегодня, к примеру,
семижды стер Твое Высокое Имя и
вместе с собственной перхотью,
аки грязь,
отбросил.

*

Карандаш, после моего покаяния,
ночью поздней, в ящичке Хозяина,
когда мы улеглись рядом,
меня утешил:
— Шесть раз из семи
Имя Господа упоминалось в отрицательном контексте,
и поступок твой не был дурным...
Мне полегчало...
Однако доколе
сносить мне такую жизнь?

*

Похоже, я спасен!
Хозяин подарил меня другу-художнику.

¹Из молитвы Иоанна Златоуста. Слово «человек» заменено на «ластик».

Что может сравниться с безмятежной старостью?
Буду равнодушно стирать штрихи.
Прощай, уныние!

*

Сегодня новый приятель-карандаш рассказал,
кто мой новый Хозяин,
и я опять был огорошен!
О,
лучше б я кончил свои дни,
вымарывая бледные опусы неизвестного графомана!
Но что мне делать сейчас
в руках гения-художника,
как поступить?
Смею ли я, смерд,
свести на нет
эти вдохновенные контуры?

*

Надеждой единственной живу:
если он и впрямь гений —
по ошибке ничего не сотрет!

*

Все-таки стер!
Сошел с ума и стер!

*

*«...Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей,
и не воздай мне по делам моим; но обрати, поддержи,
освободи душу мою от умножающихся в ней злых дел и
ужасно-нечистых представлений...»¹*

¹Из молитвы Симеона Метафраста.

*

За холсты закатившись, пылящиеся у стены,
три года уже прозябаю во мраке.
Никто меня не ищет, а я
все никак не умру.
Беспрерывно молюсь,
неустанно каюсь в содеянных грехах...

*

Почему я здесь?
Это рай или только видимость?
Данте, Шагал, Пикассо и Галактион
повздорили из-за меня.
Любя, по-свойски, манерно и красиво,
а все же повздорили.
А я все летаю,
парю.
Вот я в руке то у одного,
а то у другого —
источаю свет,
как свеча...

Перевод с грузинского Германа Власова